

*Н.Е.Тихонова,
кандидат философских наук,
Российский независимый институт социальных
и национальных проблем*

Зависимость взглядов и поведения от ценностных ориентаций

В связи с ограниченностью времени я буду говорить тезисно. Прежде всего, я хотела бы солидаризироваться с Вадимом Радаевым в том, что у нас не происходят какие-то катастрофические сдвиги. Они тяжелые, они кризисные, но это естественно, если мы меняем модель общественного развития. И в своих исследованиях социальной структуры, динамики ее изменений мы исходили именно из посылки, что не происходит маргинализации всего населения, а идет формирование другого типа социальной структуры. Нам хотелось просто посмотреть — какого.

Сегодня много говорилось о том, что у нас изменяются политические элиты, изменяется положение интеллигенции, мы же хотели понять, что происходит с той основной массой населения, которая не входит ни в политические элиты, ни в интеллигенцию, а

составляет большинство нашего народа. Ответить на этот вопрос мы попытались в рамках исследования динамики социальной структуры России и групповых интересов ее населения, проводившегося на средства гранта, полученного от Российского фонда фундаментальных исследований в конце июля 1993 г. в 10 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Нижний Новгород, Омск, Ростов-на-Дону, Сыктывкар), представляющих все основные типы российских регионов. Это исследование с объемом выборки 1 082 человека являлось третьим этапом работ по изучению экономического сознания, положения и поведения россиян, проводившихся РНИСиНП в 1992—1993 гг. На первом этапе исследования мы попытались выделить группы по социально-профессиональному признаку, по тем групповым интересам, которые, как нам казалось, должны быть у этих групп и отличать их друг от друга. Однако исследования показали, что групповые экономические интересы людьми не осознаются, и этот подход не работает. Тогда мы резко расширили методологию и выделили десять факторов, которые, на наш взгляд, могли влиять на позицию людей, на их взгляды и модели поведения.

Среди этих факторов — социально-профессиональная принадлежность, возраст, пол, уровень доходов, образование, местожительство, вовлеченность в занятия бизнесом как параллельной формой деятельности, связь с оборонными или конверсируемыми предприятиями, наличие побочных заработков, влияние реформ на уровень жизни, оценка ближайших перспектив, ощущение себя советским человеком (россиянином, представителем своей национальности), исповедуемые ценности, избираемая модель жизни.

Что показало наше исследование? Прежде всего, в основе избираемой сегодня каждым человеком модели поведения и оценок происходящего лежат не его интересы как представителя определенной социально-профессиональной или социально-демографической группы, а ценностные ориентации на определенную модель жизни (карьера, образ жизни, материальное благополучие и т.д.).

Второе. Для населения, и это естественно, если учесть исторические традиции России, характерен неэкономический тип мышления. А следовательно, и самоидентификация, т.е. отнесение себя к той или иной группе, проходит, прежде всего, не по линии экономических интересов, а через ценности и еще один очень важный срез, который мы, за неимением лучшего термина, назвали макросамоидентификацией — это ощущение себя россиянином или советским человеком.

Надо сразу сказать, что больше 35% респондентов не смогли вообще себя идентифицировать. Они написали, что сами не знают, кем они являются, а комментарии были: униженными, оскорбленными, и так далее.

Кстати, на мой взгляд, именно эта группа и составила питательную почву при голосовании за Жириновского, потому что вся предвыбор-

ная кампания шла в рамках экономических лозунгов: за реформы, против реформ, а жизнь людей на реформы далеко не замыкается. В конце концов, Жириновский тоже за реформы, как мы знаем. Его специфика лежит в другом, в неэкономической части его платформы.

И буквально два слова по динамике. В целом система ценностей очень стабильна, в последние годы она практически не изменилась. Мы использовали методологию изучения системы ценностей, примененную Ядовым в исследовании 1990 г. Так вот, и в их исследовании 1990 г., и в наших двух исследованиях оказалась в целом стабильной ранжировка ценностей населением.

Но было две пары ценностей, в которых произошли очень резкие сдвиги: 1) свобода или материальное благополучие, и 2) интересная или высокооплачиваемая работа. С 63 до 54% за последний год уменьшилась ценность свободы, и с 32 до 41 % возросла ценность материального благосостояния. С 64 до 55% уменьшилась ценность интересной работы и с 33 до 41% возросла ценность высокооплачиваемой работы. Тем не менее, как вы видите, эти экономические ценности по-прежнему не являются основными для большинства населения.

Последнее. Пессимистические, алармистские оценки, звучавшие сегодня, в общем-то отвечают психологическому состоянию нашего населения, которое действительно боится будущего. Но оно его боится прежде всего потому, что впервые оказалось в ситуации вероятностного мира, — нет гарантий, неизвестно, что будет, постоянные сдвиги. А не потому, что его материальное положение ухудшилось.

И страх перед преступностью в значительной степени идет отсюда же. Но криминализация общества — не только очень важный фактор нашей жизни, который должен нас пугать. Мы должны отдавать себе отчет, что в современном бизнесе, при нулевой роли государства как фактора регулятора хозяйственной деятельности, в частности хозяйственных споров, когда через Госарбитраж ничего невозможно взыскать, именно криминальные структуры взяли на себя функции придания этой новой хозяйственной деятельности определенной организованности, задания определенных правил игры. И они же обеспечивают соблюдение этих правил игры.